

УДК [911.3::2-67](630)

ДИНАМИКА КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭФИОПИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

© 2023 г. И. А. Захаров^{a, b, *}

^aИнститут Африки РАН, Москва, Россия

^bИнститут географии РАН, Москва, Россия

*e-mail: vanszax@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.08.2022 г.

После доработки 08.02.2023 г.

Принята к публикации 22.06.2023 г.

В статье определены закономерности развития конфессионального пространства Эфиопии в период существенного расширения религиозных свобод после 1991 г. В качестве статистической базы исследования использованы данные переписей населения страны за 1994 и 2007 гг., содержащие информацию о религиозной принадлежности населения Эфиопии в целом и ее административно-территориальных единиц вплоть до вородов – АТЕ 3-го порядка. Направления сдвигов в размещении последователей крупнейших религий страны (православия, ислама, протестантизма, этнорелигий) определены на основе типов конфессиональной структуры населения, с помощью которых были отражены особенности конфессионального пространства Эфиопии с высоким уровнем детализации. Выявленные тенденции развития конфессионального пространства страны отражены в картосхемах, иллюстрирующих динамику типов конфессиональной структуры населения вородов. На основе картографической информации выявлены закономерности реконфигурации геопространств крупнейших религий страны, спровоцировавшей усиление процессов поляризации в конфессиональном пространстве государства. Определено, что конфессиональная структура населения регионов доминирования православия, ислама и протестантизма стала более гомогенной, при этом главным направлением развития геопространств этих религий стало их расширение по направлению к столичному региону. В результате сформировались особые пространственные структуры – своеобразные фронтиры на границах геопространств этих религий. Интенсификация религиозной конкуренции в Эфиопии, которая до недавнего времени считалась “эталоном” гармоничных межобщинных отношений в Африке, сопровождалась ростом конфликтности. Установлено, что важную роль в этом процессе сыграло изменение конфессиональной структуры городского населения, в которой произошло резкое увеличение протестантов и мусульман. Вовлечение религиозных организаций в общественно-политические процессы, происходившее в стране на фоне обострения религиозной конкуренции и межэтнического соперничества, способствовало усилению центробежных тенденций в политической жизни Эфиопии. Одним из результатов данных тенденций стало разукрупнение ряда административно-территориальных единиц в юго-западной и центральной частях страны.

Ключевые слова: Африка, конфессиональная структура населения, религиозная конкуренция, религиозная политика, религиозные свободы, религия

DOI: 10.31857/S2587556623050096, **EDN:** TMIAP0

ВВЕДЕНИЕ

Эфиопия – одно из древнейших государств мира, развитие которого неразрывно связано с православием, получившим статус государственной религии еще во времена Аксумского царства в IV в. Эфиопская православная церковь (ЭПЦ) принадлежит к числу древневосточных православных нехалкидонских церквей, которые часто ошибочно относят к монофизитству¹. С момента

своего возникновения ЭПЦ находилась в канонической зависимости от Коптской церкви, а статус автокефалии был обретен ею благодаря усилиям императора Хайле Селассие I в 1959 г. (Цыпкин, Ягья, 1989). В настоящей статье последователи ЭПЦ, вслед за официальной позицией этой Церкви, называются православными. На протяжении долгого времени ЭПЦ была символом *хабеша* – амхарско-тигре-тиграйской этнической общности, проживающей преимущественно в высокогорных регионах современной Эфиопии и части Эритреи. С XIX в. хабеша начи-

¹ <https://ethiopianorthodox.org/english/dogma/monodyo.html> (дата обращения 23.12.2022).

нают активную экспансию в южном и восточном направлениях, в результате которой границы Эфиопской империи приблизились к современной конфигурации страны. Для контроля над новыми регионами, населенными народами исповедующими этнорелигии и ислам, правителями государства проводилась централизация власти, осуществляемая в том числе через политику амхаризации. В содержательном отношении она предполагала установление администрации представителей хабеша, а также навязывание народам периферийных регионов империи атрибутов их культуры, в том числе православия. ЭПЦ при этом пользовалась широкой поддержкой власти, которая санкционировала крещение целых народов, например, сидама (Цыпкин, Ягья, 1989; Sorsa ..., 2022, p. 28).

Элементы политики амхаризации и серьезные ограничения религиозных свобод в стране сохранялись вплоть до 1990-х годов, когда в Эфиопии произошла демократическая революция, приведшая к существенному снижению государственного контроля над деятельностью религиозных организаций. Эти изменения нашли свое отражение в конституции 1995 г., которая, в целом, соответствует положениям Всеобщей декларации прав человека и Международным пактам о гражданских и политических правах, хотя некоторые элементы традиционного коллективного права в ней были сохранены. Таким образом, в 1990-х годах в Эфиопии впервые за многовековую историю страны на уровне высшего законодательства были ликвидированы ограничения на деятельность религиозных организаций, некоторые из которых еще совсем недавно подвергались давлению со стороны государственных и традиционных институтов власти (Haustein and Østebø, 2011).

Несмотря на важность этих процессов для Эфиопии, в научной литературе практически полностью отсутствуют исследования обозначенной проблемы. Цель статьи автор видит в определении закономерностей изменения конфессионального пространства Эфиопии в период столь серьезного расширения религиозных свобод, начавшегося в 1990-е годы. Развитие данной темы может внести важный вклад в углубление дискуссии об унаследованных пространственных структурах и их устойчивости (Стрелецкий, 2010, с. 458), о закономерностях смены форм религиозной конкуренции (Горохов, 2020), о влиянии государственной политики на особенности протекания религиозной конкуренции (Захаров, 2022), о механизмах поляризации конфессионального пространства отдельных стран (Захаров и др., 2020), а также о проблеме этнического федерализма в современной Эфиопии (Исмагилова, 2021). Предлагаемый автором подход и инструментарий может быть использован при изучении конфессионального пространства поликонфессиональных стран, в

том числе России и сопредельных государств. Важным результатом исследования также стали трудоемкие авторские карты, содержащие детальную информацию об изменениях конфессионального пространства Эфиопии с 1994 по 2007 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В изучении вопросов, связанных с развитием конфессионального пространства Эфиопии, большая часть научных работ носит историко-политологический характер и посвящена религиозному фактору в политической жизни страны (Каплан, 2015; Львова, 2009; Цыпкин, Ягья, 1989; Ягья, 1989), в том числе в контексте ее внешней политики (Виноградова, 2000; Ныгусие Кассасе, Морозова, 2021; Цыпкин, 2016). В последнее время внимание эфиопистов обращено на рост числа меж- и внутрирелигиозных конфликтов, связанных с интенсификацией религиозной конкуренции (Антигегн, 2019; Serawit, 2018). В работах отечественных исследователей данная проблема чаще всего разрабатывается с этнографических позиций, а религиозный аспект взаимодействия народов Эфиопии затрагивается лишь косвенно (Исмагилова, 2018, 2021). В отдельных работах рассматриваются особенности развития религиозных организаций, их влияние на общественно-политические процессы (Østebø, 2014; Pankhurst, 1990, 1955). В этом контексте определенный интерес представляют исследования, затрагивающие вопросы изменения религиозной идентичности (Desplat, 2005; Desplat and Østebø, 2003). Кроме этого, важное значение для нашей работы имели труды, рассматривающие процессы демократизации власти в Эфиопии в постсоциалистический период ее развития. Особое место среди них занимает статья Й. Хаустейна и Т. Остебо, в которой анализируется изменение положения религиозных организаций и общин в современной Эфиопии (Haustein and Østebø, 2011).

Несмотря на широкий интерес к динамично меняющейся религиозной сфере современной Эфиопии, пространственный анализ ее развития практически выпал из поля зрения исследователей, а собственно географические работы исчисляются единицами (Захаров, 2016). В настоящей работе предпринимается попытка восполнить этот дефицит.

В качестве основного источника в этой статье используются данные переписей населения Эфиопии 1994 и 2007 г.², в которых содержатся количественные сведения о численности последовате-

² Если не указано иное, источником статистической информации выступает портал *Ethiopia Statistics Service*, на котором размещены результаты переписей населения Эфиопии. <http://www.statsethiopia.gov.et> (дата обращения 12.02.2022).

Рис. 1. Административно-территориальное деление Эфиопии, 2022 г. Регионы: 1 – Амхара, 2 – Афар, 3 – Бенишангуль-Гумуз, 4 – Гамбела, 5 – Народов юго-запада Эфиопии, 6 – Наций, национальностей и народов юга, 7 – Оромия, 8 – Сидاما, 9 – Сомали, 10 – Тыграй, 11 – Харари; города федерального подчинения: 12 – Аддис-Абеба, 13 – Дыре-Дауа.

лей православия, протестантизма, католицизма, ислама, этнорелигий, других религий и нерелигиозного населения³. На региональном уровне мы рассматриваем динамику соотношения этих конфессий на уровне административно-территориальных единиц (АТЕ) 3-го порядка – воредов. Анализ более длительного периода на региональном уровне затруднен из-за нехватки данных. Для расширения временных рамок исследования и определения общих трендов динамики конфессионального пространства Эфиопии на страновом уровне нами использовались данные American Association of Religious Data Archives, содержащие информацию о конфессиональной структуре населения государства за 1800–2015 гг. (Brown and James, 2019).

В соответствии с имеющимися данными, нами были составлены картосхемы типов конфессиональной структуры населения воредов за 1994 и 2007 г. Типы выделены на основании модели религиозной конкуренции (Горохов, 2020; Захаров и др., 2020), фазы которой выделяются, в том числе, исходя из доли последователей замещающей религии в населении региона. В соответствии с последним индикатором, выделенные типы конфессиональной структуры населения воредов Эфиопии можно разделить на три группы:

³ Численность нерелигиозных ни в одной из рассматриваемых территориальных ячеек не составляла заметной части населения, поэтому эта группа была объединена с другими религиями.

(1) *доминирование одной религии* – доля ее адептов, как правило, превышает 87% населения, а религиозного меньшинства не достигает 13%;

(2) *преобладание одной религии со значительной долей других религий* – к значительным религиозным меньшинствам отнесены общины, чья доля превышает 13%; когда меньшинство является единственным, то доля адептов преобладающей религии находится в диапазоне от 70 до 87%, когда значительных меньшинств два или более, нижняя граница опускается до 50%;

(3) *паритет двух и более религий* – в территориальной ячейке наблюдается примерно равное соотношение последователей конфессий; при паритете двух религий доля каждой варьируется от 30 до 70%, при трех – от 25 до 50% (рис. 2, 3).

Несмотря на высокую детализацию проведенных в Эфиопии переписей населения, при работе с ними автор столкнулся с определенными трудностями. В частности, на официальном сайте статистического агентства Эфиопии некоторые файлы оказались либо недоступны (перепись региона Тыграй 2007 г.), либо были размещены с ошибкой форматирования (Афар, Регион наций, национальностей и народов юга – РНННЮ⁴ за 1994 г.). Во всех случаях нам удалось либо восстановить исходные данные, либо устранить проблему исходя из косвенных данных об этноконфессиональной структуре населения⁵, конфессиональной структуре городского населения и др., содержащихся в переписях населения и дополнительных источниках. Тем не менее мы обращаем внимание на то, что конфессиональная структура населения отдельных воредов носит оценочный характер; в соответствующих картосхемах их границы показаны серым цветом. Еще одну сложность при анализе данных переписей составила реконфигурация АТД Эфиопии. Произшедшие реорганизации так и не были официально опубликованы, поэтому границы воредов в картосхемах хоть и приближены к их конфигурации по состоянию на 2007 г., но все же носят условный характер.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В течение рассматриваемого периода конфессиональная структура населения Эфиопии претерпела существенные изменения (табл. 1). До XX в. они происходили достаточно плавно и были связаны прежде всего с ростом удельного веса му-

⁴ В литературе также используется название “Регион народов юга”. Часть его территории была передана для создания региона Сидاما в 2020 г. и Региона народов юго-запада Эфиопии в 2021 г. (рис. 1).

⁵ В большинстве случаев оценка носила однозначный характер, так как вореды в этническом отношении в основном гомогенны.

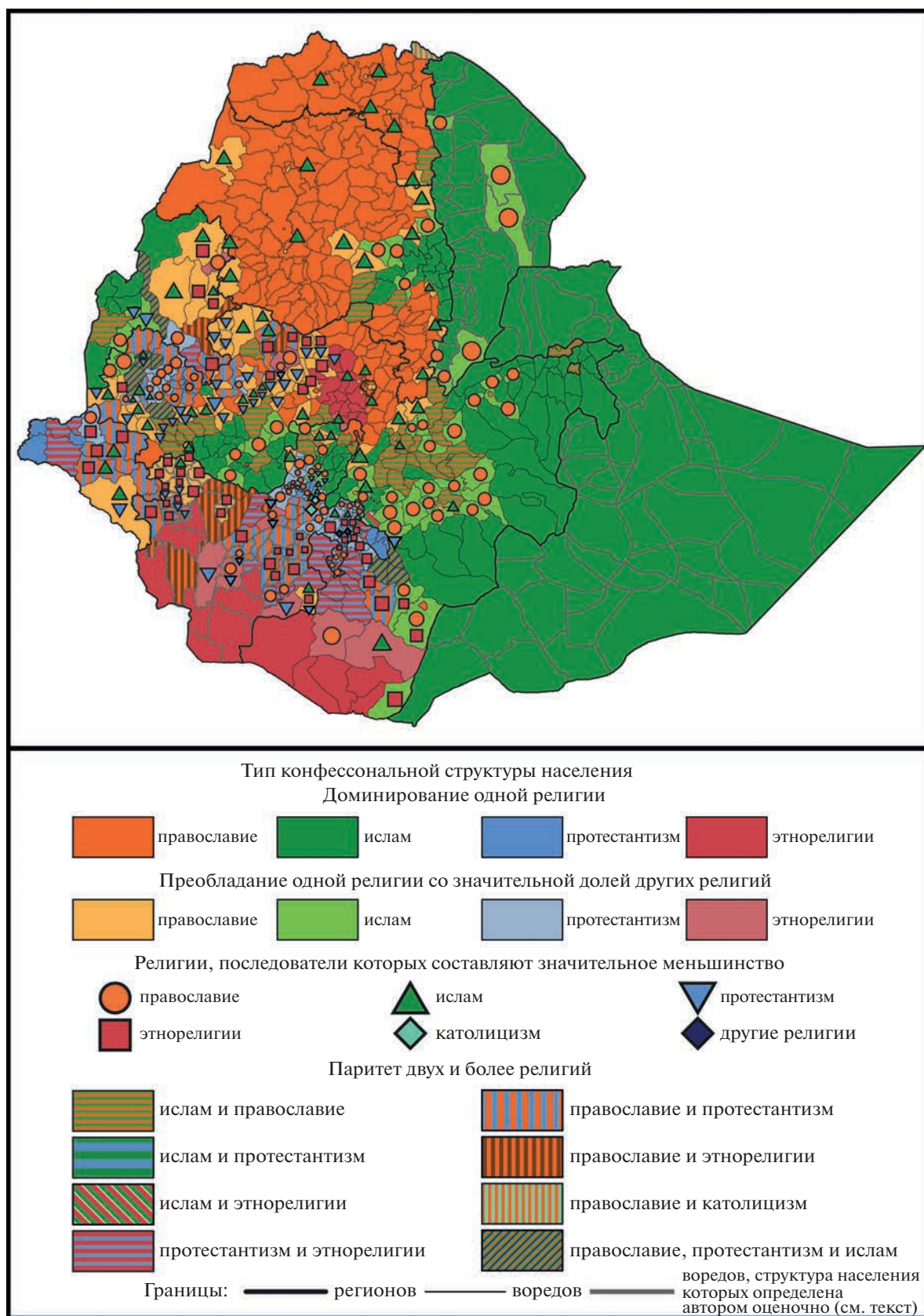

Рис. 2. Конфессиональная структура населения вoredов Эфиопии, 1994.
Составлено автором.

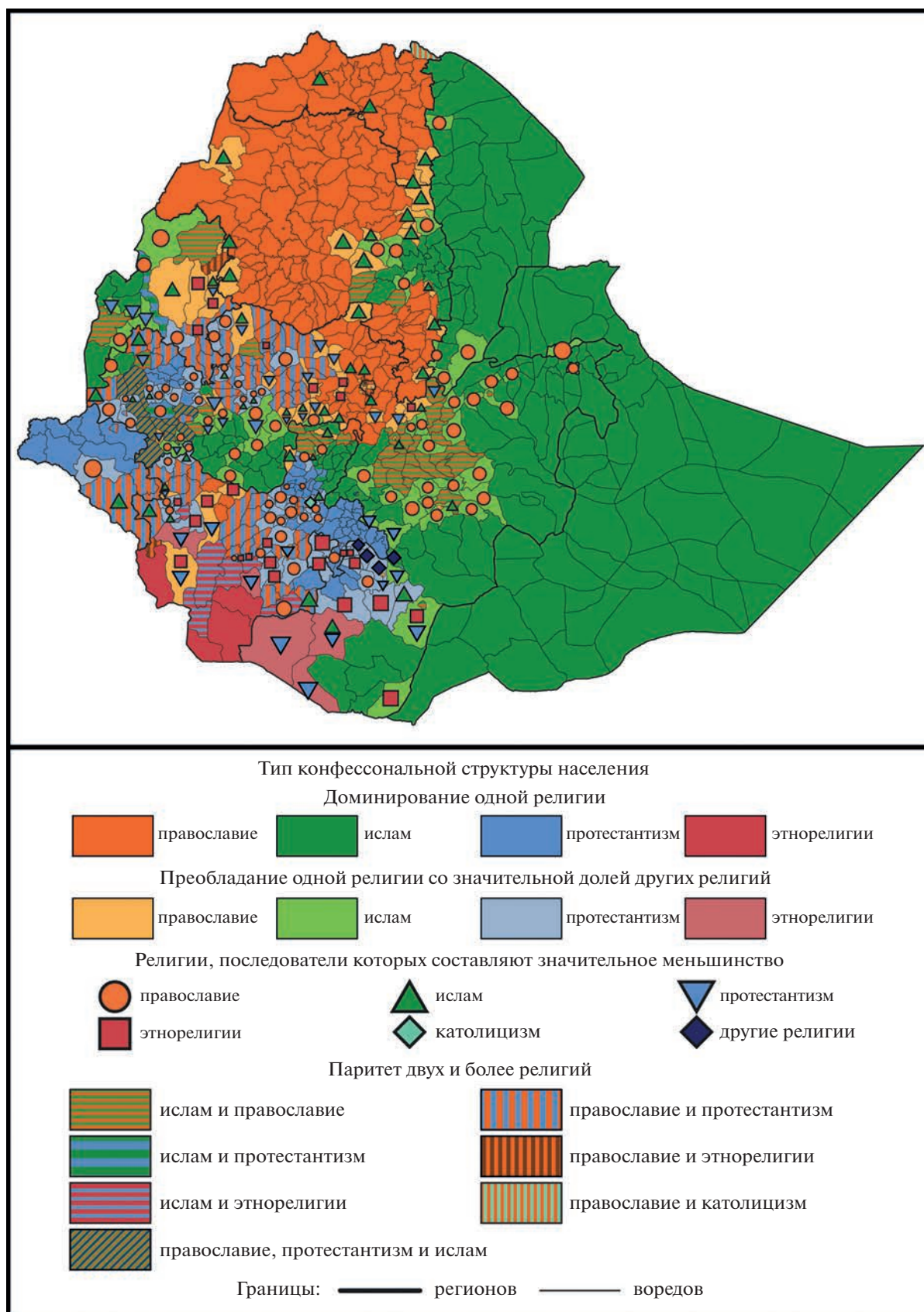

Рис. 3. Конфессиональная структура населения вoredов Эфиопии, 2007.
Составлено автором.

Таблица 1. Динамика конфессиональной структуры населения Эфиопии, 1800–2015 гг., %

Религия	1800	1916	1974	1984*	1994*	2007*	2015
Православие	35.1	36.0	48.0	54.0	50.6	43.5	39.1
Протестантизм	0.0	0.1	4.0	5.5	10.2	18.6	23.8
Католицизм	0.8	0.2	0.5	1.0	0.9	0.7	0.6
Ислам	16.0	25.0	32.3	32.9	32.7	33.9	34.6
Этнорелигии	36.0	33.5	13.6	5.8	4.6	2.6	1.4
Другие	12.1	5.2	1.6	0.8	1.0	0.7	0.5

Примечание. * Данные переписи населения.
Составлено автором по: (Brown and James, 2019).

сультанской общины, который обеспечивался более высоким по сравнению с другими конфессиями естественным приростом, а также незначительной по масштабам конверсией. С первой четверти XX в. в конфессиональном пространстве Эфиопии началась трансформация, вызванная замещением этнорелигий православием (ЭПЦ вела активную миссионерскую деятельность, пользуясь широкой поддержкой власти) и в меньшей степени исламом. В это время доля последователей этнорелигий в населении страны сокращается более чем в два раза – с 33.5 до 13.6%, а доля православных и мусульман увеличивается с 36.0 до 48.0% и с 25.0 до 32.3% соответственно.

Несмотря на установление социалистического режима “Дерг”⁶ в 1974 г., эти тенденции сохранялись вплоть до конца 1980-х годов. Доля православного населения продолжила расти, достигнув своего исторического максимума к середине 1980-х годов. Положение ислама в Эфиопии при этом несколько ухудшилось; судя по динамике удельного веса мусульман, их незначительный рост обеспечивался фактически только за счет естественного прироста, а миссионерская деятельность была ограничена. После ослабления режима “Дерг” распространение получают протестантские церкви, прежде всего Эфиопская евангелическая церковь Мекане Йесус, которые до этого времени были вынуждены работать подпольно. Доля протестантов в

населении страны к 1991 г. достигла 8.8% (Brown and James, 2019).

В 1990-х годах с расширением религиозных свобод и снижением государственного контроля над деятельностью религиозных организаций обозначился стремительный рост “нетрадиционных” конфессий, в особенности протестантизма, который к 2015 г. увеличил долю своих последователей в населении страны до 23.8%. При этом рост численности протестантской общины в значительной мере обеспечивался за счет конверсии adeptов не только из этнорелигий, но и из православия – раньше такая тенденция была практически невозможна. В этот период возобновились и рост доли мусульман, связанный, в частности, с активизацией деятельности иностранных миссионеров, например из Саудовской Аравии (Østebø, 2014).

Таким образом, изменение историко-политического контекста работы религиозных организаций оказало существенное влияние на динамику конфессионального пространства Эфиопии в целом. С расширением религиозных свобод в последней декаде XX в. в стране произошла активизация “нетрадиционных” религиозных течений, прежде всего протестантских. Тем не менее полученные нами данные на уровне вoredов свидетельствуют о том, что в территориальном отношении эти стремительные преобразования носили неоднородный характер.

На это, в частности, указывает поляризованная структура конфессионального пространства Эфиопии, которая проявляется в разделении страны на зоны доминирования разных религий (см. рис. 2, 3). И хотя это разделение существовало и раньше, в 1994–2007 гг. произошло усиление поляризации. Так, доля однородных в религиозном отношении вoredов с 1994 по 2007 г. увеличилась с 46.1 до 57.1%⁷, в том числе православных – с 21.7 до 25.4%, мусульманских – с 19.7 до 22.8%, протестантских – с 1.2 до 8.2%; сократилась только доля вoredов с преобладанием в населении adeptов этнических религий – с 3.4 до 0.5%.

В географическом отношении эти изменения были связаны с исчезновением некоторых религиозных меньшинств, что стало особенно ощутимо в северо-западных (Амхара, Тыграй) и восточных (Афар, Сомали, Дыре-Дауа, Харари) регионах Эфиопии, где “традиционными” религиями считаются соответственно православие и ислам. В первом случае мусульманские меньшинства были вытеснены⁸ в периферийные вoredы на

⁶ “Дерг” в переводе с амхарского языка обозначает совет – Высший военный административный совет, усилиями которого был свергнут режим Императора Хайле Селассие I (годы правления: 1916–1974). Новый режим боролся с пережитками феодализма, нищеты, неравенства, дискриминации, а свою главную цель он видел в очищении Эфиопии от монархии, на смену которой должен был прийти социализм. Впоследствии власть в Эфиопии оказалась сконцентрирована в руках Менгисту Хайле Мариам (годы правления: 1977–1991). При Менгисту религиозные организации de jure получили равные права, однако на деле они столкнулись с преследованиями и еще большим усилением государственного контроля, чем в имперский период. Несмотря на это, ЭПЦ по-прежнему оставалась важным инструментом достижения политических целей и пользовалась государственной поддержкой.

⁷ Нами используются относительные показатели, так как в межпереписной период произошло разукрупнение некоторых вoredов. К 2007 г. их количество в стране достигло 736.

⁸ До этого, в 1970–1980-х годах, из этой части страны в Израиль были эвакуированы иудаисты-фалаша в рамках нескольких операций, наиболее известной из которых стала операция “Моисей”.

востоке этих регионов. Во втором произошло быстрое снижение доли православных в городах-регионах Дыре-Дауа и Харари с 38.1 до 27.1% и с 34.5 до 25.6%, а в регионе Сомали на востоке Эфиопии даже наблюдалась убыль христианского населения: численность католиков сократилась на 1900 чел., православных — на 900 чел., протестантов — почти на 600 чел. Вместе с этим в 1994–2007 гг. на юго-западе Эфиопии выросло число вородов (Гамбела, запад Оромии и бывший РНННЮ), где наиболее распространенными религиями стали протестантизм, который чаще всего замещал этнорелигии, а также православие и ислам. При этом в центральной части Эфиопии (Оромия, Бенишангуль-Гумуз, Аддис-Абеба) наблюдалась интенсификация религиозной конкуренции между православием, протестантизмом и исламом.

В 1994–2007 гг. происходило расширение геопространства всех трех крупнейших религий Эфиопии в направлении к центральной части страны. Среди них особенно активным оказался протестантизм, который не только укрепил за собой юго-западные регионы, но и усилил свои позиции в западной части Оромии. Геопространство ислама претерпело расширение в РНННЮ и в южной части Оромии. Православие, столкнувшись с влиянием протестантских течений, также несколько активизировалось (Haustein and Østebø, 2011) — об этом свидетельствует расширение его геопространства на юго-запад в Бенишангуль-Гумуз и Оромию к западу от столицы. При этом важным лимитирующим фактором расширения геопространств крупнейших религий Эфиопии был рельеф. Так, граница между геопространствами православия и ислама на севере страны в общем виде соответствует западной оконечности впадины Афар и восточному склону Эфиопского нагорья. На западе страны, в приграничных регионах Гамбела и Бенишангуль-Гумуз с их более равнинным рельефом, происходит проникновение протестантизма и ислама из соседних Южного Судана и Судана соответственно.

В конфессиональном пространстве Эфиопии прослеживаются структуры, обозначающие направления расширения геопространств религий. Особенно заметными среди них являются следующие: (1) дуга вородов, протягивающаяся вдоль трассы от Аддис-Абебы через г. Джимма к современному Региону народов юго-запада Эфиопии, где православные либо преобладают, либо составляют значительное меньшинство; (2) аналогичная картина характерна для пояса вородов, расположенных вдоль трассы от Аддис-Абебы до Дыре-Дауа; (3) широкий пояс мусульманских вородов в южной части региона Оромия, разделяющий геопространство протестантизма и православия; (4) три ареала из преимущественно протестантских вородов (современный регион Сидама,

Гамбела, западная часть региона Оромия), расширяющихся по направлению друг к другу.

В рассматриваемый период наметились существенные сдвиги и в конфессиональной структуре городского населения. Так, удельный вес православной общины в общей численности городского населения в 1984–2007 гг. сократился с 78.7 до 59.1%, а мусульманской и особенно протестантской существенно вырос — с 17.7 до 25.9% и с 1.8 до 15.8% соответственно. Переселение мусульман и протестантов в города при этом было связано не только с социально-экономическими причинами, но и с расширением религиозных свобод в Эфиопии. До 1991 г. деятельность “нетрадиционных” религиозных организаций в городах была ограничена их администрацией, представленной преимущественно православными-хабеша, а в сельской местности религиозные меньшинства чувствовали себя достаточно свободно (Sorsa ..., 2022). После 1991 г., когда этот “барьер” был устранен, исламские и особенно протестантские организации начали активно действовать в городах. Тем не менее в наиболее крупных из них наблюдается территориальная концентрация религиозных меньшинств в отдельных районах. Это особенно характерно для Аддис-Абебы — здесь мусульманская община сосредоточена в районах южной и западной периферии, хотя еще недавно большая ее часть была сконцентрирована в центральных районах столицы Эфиопии. Похожая ситуация наблюдалась с православным населением в регионе Дыре-Дауа⁹.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Расширение религиозных свобод в Эфиопии в 1990-х годах совпало по времени с масштабной экспансией “нетрадиционных” для страны религиозных течений, особенно протестантских, которые получили широкое распространение в Гамбеле, РНННЮ и Оромии. В результате геопространство протестантизма в 1994–2007 гг. существенно расширилось, о чем свидетельствует увеличение числа вородов, где эта религия занимает доминирующее положение. Успех миссионерской работы протестантских церквей в этих регионах во многом был обеспечен христианизацией населения, предпринятой ЭПЦ в середине XX в., которая носила “поверхностный” характер и сводилась к номинальному соблюдению обрядов со стороны новообращенных. Хотя эта христианизация и носила символический характер, первичное знакомство

⁹ В 1994 г. 98.5% православного населения региона проживало в его столице, составляя более половины ее населения. После этого, вслед за расширением города и миграционным оттоком православного населения, ислам существенно укрепил свои позиции в Дыре-Дауа. На это указывает снижение доли православных в населении региона с 34.5% в 1994 г. до 25.7% в 2007 г.

народов центральной и юго-западной частей страны с православием впоследствии позволило протестантским миссионерам более эффективно вести свою деятельность. Этому способствовало неравноправное положение неамхарских народов в периферийных регионах Эфиопии: протестантизм стал символом их эмансипации от дискриминации хабеша, занимающих административные посты. Показательно, что под словом “христианин” в этой части страны чаще всего подразумевают последователей ЭПЦ, а для сторонников других, прежде всего протестантских пятидесятнических течений, используется понятие “верующий”. Аналогичные терминологические разграничения существуют и по отношению к культовым сооружениям, религиозным практикам и др. (Sorsa ..., 2022).

В то же время “традиционные” для Эфиопии ислам и православие претерпели ограниченное по своим масштабам расширение, преимущественно за счет воевод Оромии. При этом в регионах доминирования этих религий конфессиональная однородность возросла, что было связано с сокращением числа воевод, в которых проживали религиозные меньшинства. В отчетах International Religious Freedom Reports за 1999–2007 гг.¹⁰ отмечаются факты притеснения религиозных меньшинств в Амхара, Сомали и других регионах, которые принимают форму дискриминации, нападения и даже убийств. Таким образом, “вход” новых конфессий в эти регионы в рассматриваемый период был затруднен во многом по юридическим причинам: религиозные организации, за исключением ЭПЦ (с 1960 г.) и крупнейшей исламской организации страны – Верховного совета Эфиопии по делам ислама (с 2020 г.), обязаны проходить достаточно сложные процедуры перерегистрации каждые 3 года (Arkew, 2020). Вместе с этим религиозные организации достаточно часто испытывают трудности с получением земельных участков под строительство культовых сооружений. В регионах с преимущественно мусульманским населением дискриминации подвержены христианские организации, а в христианских регионах – мусульманские. Так, в городах Аксуме и Лалибэле, имеющих огромное духовное значение для православных, мусульманам постоянно отказывают в строительстве мечетей в пределах черты города. Иногда несогласованное возведение культовых сооружений становилось причиной религиозных конфликтов, например, в г. Дэссе на юго-востоке региона Амхара, где нападению подвергались христиане.

Если раньше Эфиопия считалась одним из немногих примеров мирного сосуществования ислама и христианства в Африке, то сейчас эта ситуация меняется. Сближение геопространств крупнейших

религий страны сопровождалось интенсификацией религиозной конкуренции и возникновением меж- и внутрирелигиозных столкновений. Важным фактором в усилении конфликтного потенциала страны стала урбанизация: увеличение численности населения городов сопровождалось изменением его конфессиональной структуры. Если в 1984 г. в городском населении абсолютно преобладали православные, то в 2007 г. присутствие мусульман и особенно протестантов в городах существенно увеличилось. Усиливающееся соперничество между религиозными общинами все чаще становится причиной конфликтов, особенно в крупных городах, например, в Аддис-Абебе, Харэре (регион Харари), Джимме и др.

Опасность меж- и внутрирелигиозных противоречий возрастает в связи с активизацией центробежных процессов в условиях этнического федрализма, закрепленного в действующей конституции Эфиопии (Антигегн, 2019; Исмаилова, 2021; Serawit, 2018). В этих условиях конфессиональная самоидентификация наравне с этнической принадлежностью становится важным драйвером общественно-политических процессов (Балашова, 2011), что еще более усиливает центробежные тенденции в политической жизни страны. Так, мобилизационный потенциал религии сыграл важную роль в консолидации этнической идентичности малых этносов. В этом отношении особенно заметной стала роль протестантизма, прежде всего его пятидесятнических течений, на юго-западе Эфиопии. Например, эта религия смогла консолидировать несколько субэтносов сидама, которые после длительной борьбы добились создания региона Сидама, в состав которого вошли преимущественно протестантские воеводы (Sorsa ..., 2022). Такой прецедент запустил процесс дальнейшего разукрупнения РННЮ (см. рис. 1). О роли религиозной идентичности в образовании новых регионов в юго-западной части Эфиопии можно будет судить по материалам новой переписи населения, однако уже в 1994–2007 гг. в их конфигурации прослеживалось влияние этого фактора. Так, в воеводах, переданных для создания Региона народов юго-запада Эфиопии, сохранялось влияние православия, которое достаточно успешно замещало этнорелигии, а протестантизм здесь был гораздо менее активен, чем в соседних Гамбеле и разукрупненном РННЮ, где протестанты преобладали в большей части воевод. Кроме того, религиозный фактор сыграл ключевую роль в выделении некоторых воевод в регионах Оромия и Бенишангуль-Гумуз, которые стали характеризоваться доминированием одной религии после разукрупнения. Тем не менее для определения роли религиозных организаций в изменении АД Эфиопии требуется дополнительное исследование.

¹⁰<https://www.state.gov/international-religious-freedom-reports/> (дата обращения 02.08.2022).

ВЫВОДЫ

Демократические реформы 1990-х годов в Эфиопии сопровождались расширением религиозных свобод, что привело к активизации миссионерской деятельности протестантских и мусульманских общин. В условиях усиления религиозной конкуренции православие, которое долгое время пользовалось государственной поддержкой, утратило статус доминирующей религии.

Результаты анализа конфессиональной статистики за 1994–2007 гг. на уровне вoredов свидетельствуют о том, что эти сдвиги сопровождались масштабной реконфигурацией геопространств крупнейших религий страны. В этом процессе прослеживаются центростремительные тенденции – направление расширения геопространств православия, ислама и особенно протестантизма шло по направлению к Аддис-Абебе в центральной части страны. До 1990-х годов распространение ислама было возможно практически только в восточных регионах страны, где эта религия имеет долгую историю присутствия, а протестантизма – лишь в периферийных регионах, где контроль центрального правительства был слабее. В результате этих изменений сформировались особые пространственные структуры, соответствующие направлениям расширения геопространств православия, ислама и протестантизма: два вытянутых пояса вoredов, где православные преобладают или составляют значительное меньшинство, протягивающиеся от столичного региона вдоль крупных транспортных путей на юго-запад и восток-северо-восток; пояс мусульманских вoredов в южной части региона Оромия, разделяющий геопространство протестантизма и православия; три ареала из преимущественно протестантских вoredов в регионах Сидاما, Гамбела и на западе Оромии, расширяющихся по направлению друг к другу.

Реконфигурация геопространств религий Эфиопии сопровождалась усилением процессов поляризации конфессионального пространства страны, о чем свидетельствует снижение религиозной мозаичности регионов доминирования православия, ислама и протестантизма, в том числе за счет вытеснения религиозных меньшинств в отдельных регионах (Амхара, Тыграй, Сомали и др.). Параллельно с этим наблюдался рост числа конфликтов, часть которых возникла на религиозной почве. При этом религиозные организации все активнее вовлекались в общественно-политические процессы, что еще более усиливает центробежные процессы в политической жизни государства, запущенные с переходом к этническому федерализму в 1990-е годы. Об этом, в частности, свидетельствует разукрупнение АТЕ Эфиопии, в первую очередь Региона наций, национальностей и народов юга.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено за счет гранта МК-2046.2022.2.

FUNDING

The research is conducted under the grant МК-2046.2022.2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антигегн Г.К.* Оценка религиозной ситуации, мира и конфликта в Эфиопии после 1991 г. // Вест. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2019. № 4. С. 607–614.
- Балашова Г.А.* Эфиопский перекресток // Азия и Африка сегодня. 2011. № 7. С. 47–51.
- Виноградова К.В.* Из истории российско-эфиопских церковных связей XV–XIX вв. // Вопросы Истории. 2000. № 6. С. 49–52.
- Горохов С.А.* География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: Юнити-Дана, 2020. 235 с.
- Захаров И.А.* Государственное регулирование деятельности религиозных организаций в странах Африки в конце XX–начале XXI вв.: макрорегиональные тенденции // Электронный научно-образовательный журн. “История”. 2022. № 6. <https://history.jes.su/s207987840021692-0-1/>
- Захаров И.А.* Факторы поляризации конфессионального пространства Эфиопии // Вестн. Рязанского гос. ун-та имени С.А. Есенина. 2016. № 4. С. 179–190.
- Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.* Трансформация конфессионального пространства Африки в XX–начале XXI вв. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. № 3. С. 359–368.
- Исмагилова Р.Н.* Эфиопия: особенности федерализма. М.: Институт Африки РАН, 2018. 544 с.
- Исмагилова Р.Н.* Эфиопия: победа сидама в вековой борьбе за самоопределение // Ученые записки Ин-та Африки РАН. 2021. № 2. С. 47–65.
- Каплан С.* Воздвижение Креста Господня и свержение императора Эфиопии: лидж Иясу и драма во время праздника Мэскэль // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 182–197.
- Львова Э.С.* Эта многоликая Эфиопия: очерки по истории, культуре, этнографии. М., 2009. 332 с.
- Ныгусие Кассе В.М., Морозова Н.Н.* Взаимодействие России и Русской православной церкви с христианскими общинами Египта и Эфиопии во второй половине XIX–начале XX в. // Российский журн. истории Церкви. 2021. № 4. С. 26–36.
- Стрелецкий В.Н.* Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX–начале XXI веков // География мирового развития / отв. ред. Л.М. Синцеров. М., 2010. Вып. 2. С. 442–459.
- Цыпкин Г.В.* Россия и Эфиопия на пути к установлению дипломатических отношений // Электрон-

- ный научно-образовательный журн. "История". 2016. № 3. <https://history.jes.su/s207987840001452-6-1/>
- Цыпкин Г.В., Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1989. 405 с.
- Ягья В.С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978. 327 с.
- Arkew E.D. The right of religious institution to acquire legal personality in Ethiopia: emphasis on the new proclamation to provide legal personality to Ethiopian Islamic Affairs General Council // *Developing Country Studies*. 2020. Vol. 10. № 10. P. 19–22.
- Brown D., James P. Religious characteristics of states dataset project – Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. 2019.
- Desplat P. The articulation of religious identities and their boundaries in Ethiopia: labelling difference and processes of contextualization in Islam // *J. of Religion in Africa*. 2005. № 4. P. 482–505.
- Desplat P., Østebø T. Muslims in Ethiopia: The Christian legacy, identity politics, and Islamic reformism // *Muslim Ethiopia*. NY, 2013.
- Haustein J., Østebø T. EPRDF's revolutionary democracy and religious plurality: Islam and Christianity in post-Derg Ethiopia // *J. of Eastern African Studies*. 2011. № 4. P. 755–772.
- Østebø T. Salafism, state-politics, and the question of "extremism" in Ethiopia // *Comparative Islamic Studies*. 2014. № 1–2. P. 165–184.
- Pankhurst R. A social history of Ethiopia. Addis Ababa, 1990.
- Pankhurst S. Ethiopia. A cultural history. Woodford Green, 1955.
- Serawit B.D. Religion and politics in post-1991 Ethiopia: making sense of Bryan S. Turner's 'Managing Religions' // *Religion, State and Society*. 2018. № 1. P. 26–42.
- Sorsa Sumamo: an Ethiopian evangelist. <http://www.theimtn.org/main/documents/trainingexamples/BF%20Sorsa%20Sumamo.pdf> (дата обращения 06.07.2022).

Dynamics of the Ethiopian Religious Landscape during Democratic Transition

I. A. Zakharov^{1, 2, *}

¹*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Institute of Geography RAS, Moscow, Russia*

*e-mail: vanszax@yandex.ru

The article defines the patterns of development of the Ethiopian religious landscape in the context of a significant expansion of religious freedoms that began after 1991. The country's population censuses for 1994 and 2007 were used as the statistical base of the study. It contains information on the religious affiliation of the population of Ethiopia as a whole and its administrative-territorial units up to the Woredas—the 3rd level of administrative units. The directions of shifts in the distribution of followers of the country's largest faith-groups (Orthodox, Muslim, Protestant, ethnic religions) were determined based on the types of religious composition of the population. This allowed us to reveal the features of the Ethiopian religious landscape with a high level of detail. The defined trends in the development of the Ethiopian religious landscape are reflected in the maps illustrating the dynamics of the types of confessional structure of the woreda population for 1994 and 2007. Based on cartographic information, the author determined the patterns of reconfiguration of the geospaces of the largest faith-groups in the country, that provoked an increasing polarization in the Ethiopian religious landscape. Determined that the religious structure of the population of the regions dominated by Orthodox Christianity, Islam, and Protestantism has become more homogeneous, while the main direction of the development of their geospaces was their expansion towards the capital of Ethiopia. As a result, specific spatial structures, such as frontiers, were formed. The intensification of religious competition in Ethiopia, which until recently was considered the "standard" of peaceful inter-communal relations in Africa, was accompanied by the growth of religious and ethnoreligious conflicts. It is established that it was partly due to the change in the religious structure of the urban population, resulted from a sharp increase in the proportion of Protestants and Muslims. Ethiopia faced the growing involvement of religious organizations in socio-political processes against the background of the aggravation of religious competition and interethnic rivalry. This contributed to the strengthening of centrifugal tendencies in the political life of Ethiopia, which have serious implications, for instance the unbundling of several administrative-territorial units in the southwestern and central parts of the country.

Keywords: Africa, religious polarization, religion, religious competition, religious freedom, religious composition of the population, religious policy

REFERENCES

- Antigegn G.K. An assessment of religion, peace, and conflict situation Ethiopia after 1991. *Vestn. RUDN. Int. Relations*, 2019, no. 4, pp. 607–614. (In Russ.).
- Arkew E.D. The right of religious institution to acquire legal personality in Ethiopia: emphasis on the new proclamation to provide legal personality to Ethiopian Islamic Affairs General Council. *Develop. Country Stud.*, 2020, no. 10, pp. 19–22.

- Balashova G. The Ethiopian crossroads. *Asia Afr. Today*, 2011, no. 7, pp. 47–51. (In Russ.).
- Brown D., James P. *Religious characteristics of states dataset project – Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only*, 2019.
<https://doi.org/10.17605/OSF.IO/7SR4M>
- Desplat P. The articulation of religious identities and their boundaries in Ethiopia: labelling difference and processes of contextualization in Islam. *J. Relig. Afr.*, 2005, no. 4, pp. 482–505.
- Desplat P., Østebø T. *Muslim Ethiopia: The Christian legacy, identity politics, and Islamic reformism*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Gorokhov S.A. *Geografiya religii: tsikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape]. Moscow, 2020. 235 p.
- Haustein J., Østebø T. EPRDF's revolutionary democracy and religious plurality: Islam and Christianity in post-Derg Ethiopia. *J. East. Afr. Stud.*, 2011, no. 4, pp. 755–772.
<https://doi.org/10.1080/17531055.2011.642539>
- Ismagilova R.N. *Efiopiya: osobennosti federalizma* [Ethiopia: The Peculiarities of the Federalism]. Moscow, 2018. 544 p.
- Ismagilova R.N. Ethiopia: the victory of the Sidama in the longer than a century's struggle for the self-determination. *Uch. Zapis. Inst. Afr. RAN*, 2021, no. 2, pp. 47–65. (In Russ.).
- Kaplan S. The exaltation of Holy Cross and the deposition of the Emperor of Ethiopia: Lij Iyasu and a Mäsqäl drama. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*, 2015, no. 2, pp. 182–197. (In Russ.).
- Lvova E.S. *Eta mnogolikaya Efiopiya: ocherki po istorii, kul'ture, etnografii* [This Diverse Ethiopia: Essays on History, Culture, Ethnography]. Moscow, 2009. 332 p.
- Nigusie Kassae V.M., Morozova N.N. Interaction of Russia and the Russian Orthodox Church with Christian communities in Egypt and Ethiopia in the second half of the 19th–early 20th century. *Ross. Zh. Istorii Tserkvi*, 2021, no. 4, pp. 26–36. (In Russ.).
- Østebø T. Salafism, state-politics, and the question of “extremism” in Ethiopia. *Comp. Islam. Stud.*, 2014, nos. 1–2, pp. 165–184.
- Pankhurst R. *A social history of Ethiopia*. Addis Ababa, 1990.
- Pankhurst S. *Ethiopia. A cultural history*. Woodford Green, 1955.
- Serawit B.D. Religion and politics in post-1991 Ethiopia: making sense of Bryan S. Turner's ‘Managing religions.’ *Relig. State Soc.*, 2018, no. 1, pp. 26–42.
- Sorsa Sumamo: *an Ethiopian evangelist*. Available at: <http://www.theimtn.org/main/documents/trainingexamples/BF%20Sorsa%20Sumamo.pdf> (accessed: 06.07.2022).
- Streletskii V.N. The ethnoconfessional image of Russia: inherited spatial structures and shifts in the late 20th–early 21st century. In *Geografiya mirovogo razvitiya. Vyp. 2* [Geography of World Development. Vol. 2]. Sintserov L.M., Ed. Moscow, 2010, pp. 442–459. (In Russ.).
- Tsyppin G. Russia and Ethiopia on the Route to the Establishment of Diplomatic Relations. *Istoriya*, 2016, no. 3. Available at: <https://history.jes.su/s207987840001452-6-1/> (In Russ.).
- Tsyppin G.V., Yag'ya V.S. *Istoriya Efiopii v novoe i noveishee vremya* [History of Ethiopia in Modern and Contemporary Times]. Moscow, 1989. (In Russ.).
- Vinogradova K.V. From the history of Russian-Ethiopian church relations of the 15th–19th centuries. *Vopr. Istarii*, 2000, no. 6, pp. 49–52. (In Russ.).
- Yag'ya V.S. *Efiopiya v noveishee vremya* [Ethiopia in Modern Times]. Moscow, 1978. 327 p.
- Zakharov I. State regulation of the activities of faith-based organizations in African countries in the late 20th–early 21st century: macro-regional tendencies. *Istoriya*, 2022, no. 6. Available at: <https://history.jes.su/s207987840021692-0-1/> (In Russ.).
- Zakharov I.A. The factors of religious and confessional polarization in Ethiopia. *Bull. Ryazan State Univ.*, 2016, no. 4, pp. 179–190. (In Russ.).
- Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Transformation of African religious landscape in the 20th and beginning of the 21st century. *Izv. Akad. Nauk. Ser. Geogr.*, 2020, no. 3, pp. 359–368. (In Russ.).